

Глава восьмая

Строитель

в концертных туфлях

Chapter 8

A Builder in Dress Shoes

В. Лупачев (в кабинете за работой)
V. Lupachev (in the office at work)

Олег Харченко

главный архитектор Санкт-Петербурга (1992–2004 гг.)
народный архитектор РФ

Была осень двухтысячного. Как обычно, я задержался на работе до позднего вечера. В большом кабинете полумрак, горит только настольная лампа. Тишина. Один. Можно спокойно углубиться в работу. Мне это нравится. Неожиданно звонит телефон. После нескольких минут разговора с губернатором становится ясно, что в истории Мариинского театра наступает новый период и впереди большая работа.

Так оно и вышло. Через пару дней maestro Гergieв пригласил меня на встречу и рассказал о своих планах и мечтах. Было очевидно, что реконструкция только сценической коробки не решит всех проблем театра – необходима комплексная реконструкция всего здания и оборудования. А далее пришло понимание того, что реконструкция театра приведет к его неизбежному закрытию, а это означает, что труппа в течение нескольких лет будет лишена возможности работать, что, несомненно, повлечет ее распад. Надо было решать, как миновать катастрофы. Вот тут появилась идея строительства второй сцены (и даже как-то сразу определилось место), глобальность которой заключалась в последовательном создании единого организма из двух театров. Новое здание мы решили разместить на противоположной стороне канала, а старое и новое сценические пространства связать между собой, «повесив» над каналом часть нового здания так, чтобы оно стало своеобразным мостом, по которому платформы с декорациями величаво перемещались бы из одного театра в другой. Идея овладела умами, и дело осталось за малым – ее можно было воплотить только с помощью государственных инвестиций. А в театре должен был появиться человек, который, во-первых, поверит в эту захватывающую перспективу, а во-вторых, возьмет на себя все управленческие хлопоты в периоды частых гастролей maestro.

Таким человеком и стал Вячеслав Лупачёв. Валерий Гergieв по каким-то только ему ведомым причинам выбрал именно его на эту весьма неоднозначную и трудную роль, видимо, верно полагая, что только Слава способен с ней справиться (а были и другие кандидаты). И он с ней справился блестяще.

Вот, собственно, та фабула, на фоне которой произошло наше со Славой знакомство, фабула, ставшая платформой для нашей долгой дружбы, скрепленной замечательным чувством сопричастности к знаковым событиям великого театра. Дружбы, наполненной вдохновенной работой в

Oleg Kharchenko

Chief Architect of Saint Petersburg (1992–2004)
People's Architect of Russia

It was the fall of 2000. I got held up at work until late in the evening, as usual. My office is large and almost completely dark, with only my desk lamp burning. Quiet. Solitude. I can work in peace and immerse myself in what I'm doing, just how I like it. Suddenly, the phone rings. After speaking with the mayor for a few minutes, I realize that the Mariinsky Theatre is entering a new era, which means that we have a lot of work ahead of us.

Just as I expected, maestro Gergiev invited me in for a meeting a few days later and talked about his ambitions for the theatre and how he planned to achieve them. It was obvious that simply renovating the stage house would be insufficient to solve the theatre's problems; it would be necessary to renovate the whole building and retrofit all the equipment. Later on, it became apparent that we would have to shut down the theatre during the renovations, which meant that the troupe would inevitably break up when they found themselves without gainful employment for several years. We had to decide how to prevent that disaster. That was how we arrived at the idea of building a second stage. We immediately knew where to put it. Our over-arching strategy was geared towards gradually building a system that would allow the two theatres to function as a single unit. We decided to construct the new building on the opposite side of the canal and hang part of its structure over the water to connect the new and old parts of the theatre. This element served as a kind of bridge across which platforms carrying stage decorations passed from one theatre to the other in grand style. This idea captivated the public imagination and all that remained was realizing it using government funding. The theatre, meanwhile, needed someone who believed in this project's mind-boggling potential and was capable of navigating all of the managerial issues involved while the maestro was off on his frequent tours.

That someone was Mr. Lupachev. Valery Gergiev chose him for this tricky role where it was impossible to predict what would be expected of him. The maestro's reasons were known to him alone; he apparently felt that only Slava—there were other applicants, too—could handle it, and handle it he did, sensationally well.

That's the tale of how Slava and I met—the tale that set the stage for our long-lasting friendship based on the wonderful feeling of being involved in helping such a great theatre reach new milestones. It was a friendship full of inspired work with a team of

команде единомышленников и высоких профессионалов. Работе, основанной на взаимном уважении и вере в то, что мы хорошо сделали наше общее дело. И не наша вина в том, что завершающий этап реализации этого проекта прошел уже без нашего участия.

Так иногда случается. Два взрослых человека, еще совсем недавно и не подозревавшие о существовании друг друга, после первой же встречи с удивлением обнаруживают, что абсолютно разные по характеру личности могут испытывать доверие, уважение, симпатию и достаточно быстро выстроить комфортный стиль общения, в основе которого – способность слышать и понимать собеседника и точно ощущать допустимые грани, когда ирония или шутка не переходят в неопозволительную фамильярность, а лишь дополняют, смягчают даже официальный разговор приятными оттенками человечности отношений. Наше общение стало настоящим большим открытием и достижением, отношения довольно быстро превратились в долгую мужскую дружбу, а совместная работа над интереснейшим городским проектом, время блестящих побед и досадных поражений, нас сблизили.

Несколько лет, работая рядом со Славой в этом проекте, я с большим удовольствием наблюдал, как виртуозно он «разруливал» сложнейшие ситуации. Трудно представить, чего это ему стоило, но одно было неизменно всегда: безукоризненно одетый человек, доброжелательно улыбаясь, ведет разговор тихим спокойным голосом: легкая ирония, уважение к собеседнику, компетентность. Уверен, что даже среди его хороших друзей найдется совсем немного людей, которые хотя бы частично представляют себе тот объем работы, который Вячеслав Иванович проделал на пути к реализации строительства второй сцены Мариинского театра. А ведь была еще и третья сцена, которая возникла немного позже и развивалась параллельно, и очень быстрыми темпами. И тоже под его руководством и его персональной ответственностью. Поэтому попробую немного описать то, чем мы уже вместе стали заниматься и чем потом обоснованно гордились. Естественно, что в эту работу периодически включалось множество людей, каждый из которых в своей должностной или коммерческой ипостаси делал какую-то часть общей работы. На своем уровне решал проблемы и принимал необходимые для продвижения проекта решения: федеральном и городском, в

like-minded individuals and top-notch professionals, work based on mutual respect and the belief that we were doing a fantastic job together. It's by no means our fault that the final stages of this project were completed without us.

That's just how it goes sometimes. We were two adults, each of whom had no idea that the other existed until we met one day and discovered that people with completely different personalities can trust, respect, and like each other and establish a healthy dialogue surprisingly quickly—a dialogue grounded in our ability to listen and understand each other and respect the fine line separating irony and humor from excessive familiarity, so that we could soften a stiffly formal exchange by humanizing the relationship between us and adding another layer of depth to it. Our exchanges always gave me a sense of accomplishment and of discovering something new, and our relationship evolved into a long-lasting, brotherly friendship rather quickly. Collaborating on such a fascinating urban project and experiencing dazzling victories and frustrating defeats together brought us closer.

I worked side-by-side with Slava on this project for several years, and thoroughly enjoyed watching him get us out of jam after jam. It's hard to even imagine how much it took out of him, but there were standards from which he never wavered. Always impeccably dressed and flashing a friendly smile, he'd talk with his colleagues in a calm, quiet voice, demonstrating respect, competence and just a hint of irony. I'm certain that hardly anyone—even among his friends—can truly appreciate how much work Mr. Lupachev put into building the Mariinsky Theatre's second stage. Moreover, a third stage sprang up shortly after the second, and they were being built simultaneously. Construction moved along at quite a clip, and Mr. Lupachev was managing that undertaking, too, assuming personal responsibility for its speedy completion. So, I'm going to try and describe the work we did together, work that would later be a source of enormous pride for both of us. Naturally, many individuals would contribute to our project periodically, in an official or commercial capacity. Everyone involved had to resolve some tough issues and make difficult decisions to further the project at the federal and municipal levels, within the theatre, within their troupes, and for the community as a whole. After all, there were many influential people who wanted to see our project fail. We all pitched in to

В. Лупачев, Д. Перро (рабочий момент)
V. Lupachev, D. Perro (a working moment)

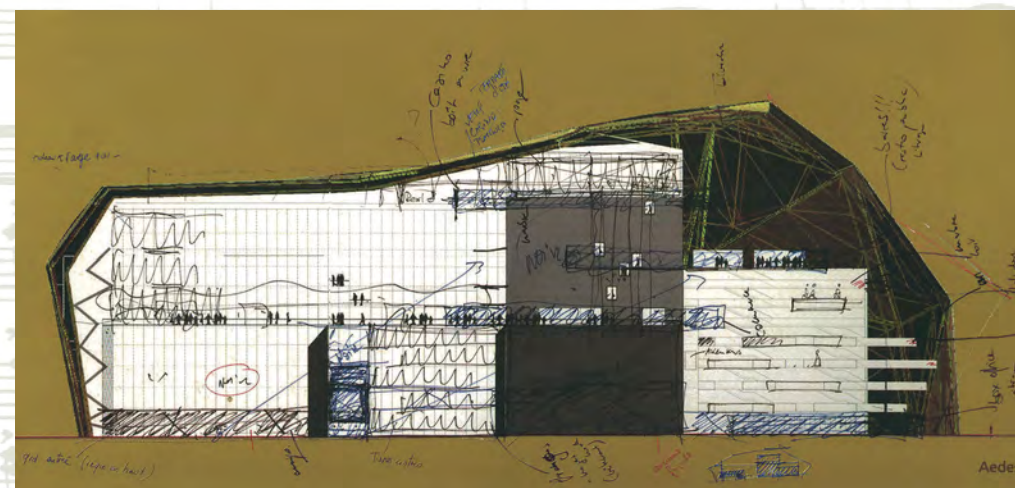

Рисунок проекта «Мариинка-2» (архитектор Д. Перро)
Project Picture of «The Mariinka-2» (architect D. Perro)

театре, в творческом коллективе и общественном пространстве (а ведь у этого проекта было и очень много влиятельных недоброжелателей). В этом огромном государственном проекте каждый нес «свой чемодан». И всем, кто делал это, история должна сказать спасибо.

В этом громадье задач и дел Лупачёв официально представлял театр на всех уровнях и во всех кабинетах. Во всех сложностях и проблемах, и поисках достойного выхода из них. Это, на мой взгляд, почти невыполнимая миссия, учитывая хитросплетение личных и общественно-политических интересов, которые неизбежно возникают вокруг таких громадных и знаковых проектов. Не все выдержали этот путь, покинули команду. Он один из немногих, кто прошел весь путь – от самого начала до фанфарного открытия второй сцены. Несколько раз я начинал воображаемую книгу об этой истории. Но каждый раз откладывал, задумываясь: а кому, собственно, это надо? Театр стоит. Театр работает. Так стоит ли углубляться в детали?

Но вот неожиданно и трагично не стало Славы. Его замечательная Лена задумала эту книгу воспоминаний о нем, и я не мог не воздать должное его многочисленным талантам, удивительному твердому сибирскому характеру и человеческой воле. Тем огромным усилиям и жертвам, принесенным им во имя развития театра. Я ведь знал его только в этом качестве, а он был еще и выдающимся музыкантом, замечательным другом и отцом. Был наделен иными талантами, о которых я могу и не догадываться. Думаю, что в других главах книги мы об этом узнаем от его многочисленных друзей. А я попробую рассказать свою историю, свою часть воспоминаний о Славе. Это короткий сюжет, небольшой эпизод из череды серьезных и важных, грустных и смешных историй, которые с нами случались во время работы над проектом.

Уже прошли многочисленные министерские совещания, были приняты решения о финансировании, я назначен руководителем рабочей группы по проведению этого конкурса, а Слава вошел в нее полномочным представителем Мариинского театра. Были определены российские и иностранные конкурсанты, члены международного жюри, в котором Слава также представлял В.А. Гергиева в тех случаях, когда маэстро не имел возможности принять участие в заседаниях; назначены международные эксперты, которым было доверено выполнить всесторонний анализ конкурирующих проектов. Уже было сделано очень многое. Неу-

make this enormous government project a success. There are many to whom history should be grateful.

Lupachev handled an enormous volume of assignments; he officially represented the theatre at every level and at every meeting, smoothly navigating all sorts of complications and problems. In my opinion, his mission was nearly impossible, especially considering the intricate web of varied personal and political interests that are inevitably involved in such enormous and monumental projects. Not everyone could take it, so they dropped out. He was one of the few members of our team who went the distance—from the very beginning of the project until the fanfare marking the opening of the second stage. I have started a book chronicling these events—in my mind, not on paper—several times. But I kept putting off actually writing it, thinking nobody cared to hear this story. The theatre was built. The theatre was working. Was there any point delving into the details of how that happened?

But then Slava suddenly and tragically passed away. His wonderful wife Elena conceived of putting together this book of personal accounts about him, so I simply had to use this as an opportunity to acknowledge his numerous talents, his resilient Siberian character, his tremendous willpower, as well as the huge effort and sacrifices he made in the name of the Mariinsky Theatre. Keep in mind—I only knew him in his capacity as an administrator. Slava was a distinguished musician and wonderful friend and father, too. He was blessed with other talents that I can only begin to guess at; I think we'll hear about them from his countless other friends in the rest of this book. I'll try to tell my story, my share of all the memories people made with Slava. It's a short account—a brief episode from an extensive list of serious and significant, sad and funny stories that came out of this project.

Numerous meetings at various ministries where decisions on funding our project were made had already been held. I was elected the head of the task force for the tender process, while Slava joined it as the Mariinsky Theatre's authorized representative. A list of Russian and foreign tender participants was compiled, as well as an international panel; Slava represented Mr. Gergiev, too, when the maestro could not attend the meetings. A group of experts from around the world was selected to conduct a comprehensive analysis of the competing plans for the project. Quite a lot had been accomplished, and the tender opening date was approaching rapidly. An American theatrical technician was commissioned to

молимо приближалась дата объявления конкурса. Для составления технического задания на разработку театральной технологии, отвечающего самым высоким мировым стандартам, Мариинский театр пригласил американского театрального технолога. Тот горячо взялся за работу, так как сроки подготовки конкурса были нереально сжатыми. Несколько раз приезжал для работы с театральными специалистами. Каждый раз подведение итогов очередного заезда и работы над программой проходили в кабинете Славы, под его руководством и моем участии. Программа конкурса – дело особой важности.

В тот раз обсуждение затянулось, подводить окончательные итоги закончили уже около половины первого, ушли последние докладчики, и в кабинете остались мы втроем. Просто хотелось сказать друг другу приятные слова и разойтись. Американцу завтра рано утром на самолет. Вдруг вижу, что Слава начинает пристально рассматривать представленный расчет площадей сценической части, глаза его округляются от ужаса, и он сообщает нам, что обнаружил значительную ошибку в расчетах. Как он это смог сделать, до сих пор не понимаю. Ведь музыкант. Мы вскакиваем с мест, начинаем рассматривать итоговый лист расчетных таблиц. И, к сожалению, убеждаемся в его правоте. Ошибка означает, что потребуется время на переделку. А это неизбежный срыв сроков. Завтра таблица должна уйти в печать. Начинаем проверять расчеты, и тут неожиданно в кабинете гаснет свет. В крошечной темноте Слава объясняет нам, что это особенность системы электропитания театра, ровно в определенное ночное время в нем гасят свет до утра. Но ведь нам надо все проверить. Тогда мы решаем, что можно пойти в ближайший ресторан и проделать эту работу там. Но мы не можем выйти из театра – охранник именно в это время закрывает вход. Американец в панике. Работа не закончена, завтра улетать.

Тогда Слава предлагает остаться и продолжить работу прямо здесь. Мы поочередно включаем свои мобильники и подсвечиваем листки с расчетами. Света совсем немного, но работа пошла. Естественно, что обсуждение, экономия батареек мобильных, мы вели в полной темноте. На перепроверку, обнаружение ошибки и обсуждение способов ее исправления ушло около трех часов. Уже под утро Славе удалось дозвониться до каких-то театральных хозяйственников, охранника разыскали, разбудили, и он нас выпустил. Мне

draft the specifications for developing cutting-edge theatre technology. He started working vigorously, making several trips to Petersburg to collaborate with the Mariinsky Theatre's own experts, since the schedule for completing all the preparatory work for the tender was unforgiving. After each visit, Slava held a meeting in his office to assess the progress we'd made, and I always took part. The tender process was of the utmost importance.

One time, our discussion dragged on until about twelve-thirty a.m. Everyone else had left, and it was just the three of us—me, Slava, and the American technician—in the office. We simply wanted to say a few kind words to one another and call it a night, since our American colleague had a flight to catch the next morning. Suddenly, I see Slava examining our calculations for the area of the stage; his eyes bulge out of their sockets in horror, and he tells us that he's found a serious error. I still don't understand how he could have done that. I mean, he was a musician, after all! We spring out of our seats and start looking over our spreadsheet of final calculations. Unfortunately, we quickly realize that Slava is right, and we'll have to spend some extra time to correct this mistake, which will inevitably mean we won't be meeting our deadline. Also, the spreadsheet is set to be printed tomorrow. We start checking our calculations, and suddenly the lights go out in Slava's office. He's explaining the theatre's electrical system in the pitch black room; the lights would go out at a set time every night and only come back on in the morning. We need to check our work, so we decide to go to a restaurant around the corner and complete it there. But we can't get out of the theatre, since the security guard locks it up after turning off the lights. Our American colleague is panicking, because we haven't finished our work yet and he's flying out in the morning.

Then Slava suggests staying at the theatre and continuing to work right there in his office. We take turns holding up our cell phones to light up the calculations. It wasn't much, but we still got some serious work done. Naturally, when questions came up, we discussed them in total darkness in order to conserve our phones' battery power. We spent roughly three hours finding our mistake, discussing possible ways of correcting it, and double-checking our work. In the early morning, Slava managed to reach some guys from the theatre maintenance staff; they found the security guard, woke him up, and he let us out. I had to take our guest to the airport, while Slava stayed in his office, waiting for the lights to come back on so

пришлось доставлять нашего гостя в аэропорт, а Слава остался в своем кабинете дожидаться, когда дадут свет, чтобы на своем компьютере внести правки в расчеты. Только так мы смогли остаться в напряженном графике подготовки международного конкурса.

Я рассказал эту маленькую незатейливую историю лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что настоящие качества человека, его истинное значение для истории зачастую раскрываются не в блеске показных свершений и громких отчетах о проделанной работе, а в таких скромных, совершенно обыденных ситуациях. Слава умел делать свое дело без лишнего пафоса, спокойно отходя в тень.

Таким он был, этот Лупачёв.

he could make the necessary corrections to our calculations. That was how we were able to keep to the demanding tender schedule.

I chose this short, straightforward story to emphasize that a person's true character and his actual significance in the whole scheme of things often comes through in mundane, commonplace situations, not when he's flaunting his accomplishments and boasting about how hard he works. Slava always got the job done without all the pomp and circumstance; he didn't mind giving up the limelight. That's just who he was.

Конкурсная комиссия во главе с В. Матвиенко (обсуждение проекта Д. Перро)
The tender commission headed by V. Matvienko (a discussion of D. Perro's project)

Ксавье Фабр

архитектор
(Франция)

На стенах его кабинета в театре постоянно висели чертежи различных проектов Мариинского-1,-2,-3, каждый из которых он мог страстно отстаивать и увлеченно комментировать.

Мне приходят на память три эпизода из его жизни, говорящие о его предпочтениях – архитектурных и чисто человеческих.

Мариинский-1 – основное историческое здание театра. Перед началом архитектурного конкурса на проект реконструкции театра мы смогли посетить и достаточно бегло осмотреть его лишь однажды, не успев толком осознать весь масштаб стоящей перед нами задачи. Зато после того, как архитектурное бюро «Фабр/Спеллер» было объявлено лауреатом этого конкурса, Слава организовал для нас визит в театр, чтобы мы увидели его во всех ракурсах и аспектах.

Это было погружение в жизнь театра, продолжавшееся два дня, в течение которых нам было представлено каждое помещение с объяснением его функций, раскрытием его секретов и знакомством со всеми его обитателями. Все внутреннее пространство театра обретало особое человеческое измерение, каждый уголок становился для Славы поводом вспомнить какой-нибудь анекдот, в котором он искусно переплетал творческую жизнь театра с личными историями его знаменитых деятелей. Он любовно хранил в своей памяти тысячи невероятных и забавных подробностей. По сути, детальное знакомство с архитектурой театра начиналось для нас с урока антропологии, растянувшегося потом на целых четыре года!

И вот Мариинский-2 – новая сцена.

Слава с большим уважением отнесся к смелому выбору Валерия Гергиева в архитектурном конкурсе проекта новой сцены Мариинки, отдавшего предпочтение современному архитектурному стилю. Удивительно то, что, будучи музыкантом по образованию, Слава на первых стадиях этого проекта был активным организатором и составителем программы проектирования.

Во время одной из деловых поездок в Париж он посетил прекрасный современный офис архитектурного агентства Доминика Перро, победившего в конкурсе на создание нового здания Мариинки, а потом, придя вечером в старые стены XVII века нашего бюро «Фабр/Спеллер», остроумно заметил: «Конечно, невозможно варить одинаковое на вкус варенье в столь разных сосудах...».

Наконец, Мариинский-3 – Концертный зал.

Xavier Fabre

Architect
(France)

Sketches of various projects—Mariinsky 1, 2, 3, all of which he could endorse passionately and comment upon excitedly—were always hanging on the walls of his office. Three different stories, which speak to his preferences, whether they be architectural or purely humanistic, come to mind.

Mariinsky 1 was the main historical building; it housed the theatre proper. We were only able to make one visit to the theatre before the tender for the reconstruction project started, and we only inspected it very briefly, so we had no idea just how monumental the task facing us really was. After Fabre-Speller Architects won the tender, however, Slava arranged another visit to the theatre for us so we could see it in every detail and from every angle.

This visit, which lasted two whole hours, was our chance to truly immerse ourselves in the theatre. We were shown each room, told about all of their functions and secrets, and introduced to all of their inhabitants. The theatre's interior acquired a new dimension for us, a human dimension. Slava guided us as we explored every nook and cranny, recalling all sorts of anecdotes, magnificently interweaving the artistic side of the theatre with personal accounts about famous figures associated with it. He had lovingly preserved thousands of incredible stories and hilarious details in his memory. It was an anthropology lesson that lasted four years, and it enabled us to develop a remarkably close relationship with its architecture.

Next came Mariinsky 2—the new stage. Slava respected Valery Gergiev's bold decision regarding the new stage at the Mariinsky Theatre. The maestro opted for a more modern architectural style. It was truly amazing that Slava, despite being educated as a musician, was capable of making an active contribution during the early stages of our project, effectively creating the design paradigm.

During one of his business trips to Paris, he paid a visit to Dominique Perrault, who had won the tender for constructing the new Mariinsky Theatre facility, at his wonderful, modern office building. In the evening of that same day, he walked down the corridors of Fabre-Speller Architects, with their walls that had stood since the 17th century, and made a witty remark: "If you make soup in such different pots, obviously it won't taste the same!"

Finally, there was Mariinsky 3—the Concert Hall. I arrived in Petersburg two days after a fire had raged through the building that had once housed the rooms where all of the Mariinsky Theatre's stage decorations were kept, then met with Slava and set off

В. Лупачев и К. Фабр (архитектор) перед началом строительства Концертного зала Мариинского театра (Мариинка-3)
V. Lupachev and K. Fabr (architect) before the beginning of the construction of the Mariinsky Theatre Concert Hall (The Mariinka-3)

Приехав через два дня после пожара (случившегося в бывшем здании декорационных мастерских Мариинского), я встретился со Славой и отправился в его сопровождении на руины сгоревшего здания. Мы вместе обследовали пепелище и договорились о необходимости разработать срочные меры безопасности. В процессе того, как мы вместе с ним пытались представить потенциальные возможности «воскрешения» этого места, я не раз поражался его техническими знаниями и развитым пространственным воображением.

Спустя год, благодаря его помощи (а также поддержке Михаила Новикова), было принято решение создать на месте сгоревших мастерских новое здание Концертного зала, причем в кратчайшие сроки – к открытию в Петербурге саммита глав государств «Большой восьмерки» G8.

Я до сих пор вспоминаю наше рабочее совещание на месте расчищенных руин, когда Слава своими широкими шагами мерил вместе с нами пространство будущего концертного зала, представляя движение публики в фойе, расположение оркестра, – с таким увлечением, будто архитектура была его второй натурой!

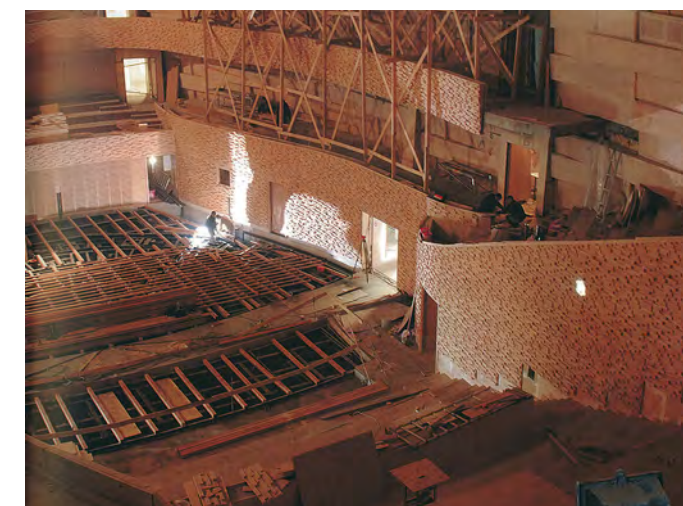
Слава, сталкиваясь с самыми невероятными трудностями, всегда умел находить решение, выход из сложившейся ситуации. Сегодня нам очень не хватает его, так как в создание и осуществление всех своих проектов он постоянно привносил энергию, мудрость, добрую иронию, а также веру в будущее, вместе с радостью новых встреч, которые всегда сопутствуют творческому энтузиазму зодчих, обустройствающих нашу землю.

to see what was left. We inspected the ruined building and came to the realization that our construction sites would need more stringent safety precautions. As we ran through potential ways of resurrecting the fire-stricken building, I was continually impressed by his technical knowledge and highly developed spatial imagination.

A year later, it was decided—thanks to his and Mikhail Novikov's assistance—that the Mariinsky Theatre would construct a new Concert Hall on the site of the former storage rooms. Moreover, the deadline was looming; the building had to be completed by the opening of the G8 Summit in Petersburg.

I still remember our meeting right beside the ruined building, Slava striding across the burnt lot, pacing out the area of the future concert hall and picturing theatre-goers shuffling around in the lobby and the orchestra tuning up for a show. He was so caught up in his vision, it felt as though architecture was his second calling!

Even when he encountered the most insurmountable challenges, Slava could always find a great solution and get us out of a jam. His colleagues will truly miss the astonishing energy, vast experience and friendly irony he poured into everything he created and every project he worked on, as well as his faith in the future and an eagerness to maintain his relationships; our meetings always fueled our architects' creative energy, encouraging them to improve the world we live in.

Строительство Концертного зала Мариинского театра
The construction of the Mariinsky Theatre Concert Hall

Xavier Fabre

Architect
(France)

Aux murs de son bureau étaient toujours suspendus les dessins des projets des différents Mariinsky, I, II, III !... Qu'il défendait et commentait avec passion. Aussi trois souvenirs me reviennent comme témoins de sa passion constructive et humaine !

Mariinsky historique... Nous n'avions effectué qu'une visite rapide avant le concours, sans comprendre l'ampleur de la tâche. Une fois désigné comme lauréat, Slava entreprit de nous faire visiter le Théâtre dans tous ces aspects.

Ce fut une visite de deux jours où étaient présentées chaque salle avec ses occupants, ses usages, ses secrets... Tout devenait plus humain, chaque lieu était l'occasion d'une anecdote pour laquelle Slava mêlait la vie artistique de l'Opéra avec l'histoire de ses serveurs merveilleux. Il gardait une connaissance précise, joyeuse et amoureuse de chacun. L'architecture commençait par une leçon d'anthropologie ! Elle dura quatre ans!!

Mariinsky nouvelle scène... Slava portait une grande admiration pour le choix courageux de Valéry Gergiev vers une architecture très contemporaine. Il fut un organisateur actif du programme et des premières phases du projet.

Lors d'un voyage à Paris, il pu visiter la superbe agence moderne de Dominique Perrault, puis, pas-

sant le soir à l'agence FabreSpeller, dans ses vieux murs du XVIIème siècle, il eu cette réflexion: " c'est sûr que l'on ne fait pas la même confiture dans des pots si différents..."

Mariinsky Concert Saal ... Arrivé deux jours après l'incendie, je retrouve Slava qui m'accompagne sur les ruines de magasin des décors. Nous examinons les mesures de protections à prendre. Je fut frappé par sa connaissance technique et sa vision de l'espace lorsque l'on apprécia les capacités de résurrection du site. Un an plus tard, avec son aide et celle de Michael Novikov, était prise la décision par le Théâtre de construire très rapidement une salle de concert pour l'ouverture du G8. Je me souviens encore de notre réunion de travail dans les ruines dégagées, en arpentant à grands pas le terrain, Slava mimait avec nous la dimension de la salle, le parcours du public, la position de l'orchestre, comme si l'architecture était sa seconde nature!

Slava devant les pires difficultés inventait toujours une solution, sa présence nous manque, car il apportait à toutes ces reconstructions une énergie et une intelligence toujours joyeuse, comme un goût pour l'avenir et les rencontres que développent toute aventure de construction humaine.

K. Фабр (архитектор), В. Лупачев, У. Тойота (акустический дизайнер)
K. Fabr (architect), V. Lupachev, U. Toyota (acoustic designer)

Язухиса Тойота

акустический дизайнер
(Япония)

Уже прошло много времени с того момента, когда мы в последний раз виделись со Славой в Санкт-Петербурге, но я до сих пор не могу поверить, что его уже нет... Мы работали с ним вместе над проектом Концертного зала Мариинского театра, я был приглашен на эту работу в качестве акустического дизайнера. Для меня это был потрясающий опыт работы вместе с ним. Он был по-настоящему Человеком театра, знал этот сложный организм досконально, мог ответить на любые вопросы. Я горжусь тем, что работал вместе с таким человеком, который обладал одним из важнейших качеств – видением будущего.

Yasuhisa Toyota

Acoustic Engineer and Designer
(Japan)

It has been quite a while since I saw Slava for the last time in Saint Petersburg, but I still cannot believe that he is no longer with us... We were working together on the Mariinsky Theatre Concert Hall (I served as an acoustic designer.) Working with him was a tremendous experience for me. He really was a man of the theatre; he knew this complicated mechanism perfectly and could answer any question that arose in the course of the project. I'm very proud that I had a chance to work with such a person; he had a truly unique ability to look into the future.

Алексей Шашкин

генеральный директор проектного института «Геореконструкция»
доктор геолого-минералогических наук

«Думал ли я оказаться в своих концертных туфлях посреди стройки?!» – восклицал, бывало, Вячеслав Иванович Лупачёв во время обхода великих строек Мариинского театра (и я ему позже сделал посвящение: мол, пусть он и в концертных башмаках в этой строительной кутерьме, но грязь к нему не липнет).

Но такова была судьба первого заместителя директора – художественного руководителя прославленного театра. Вместе с повседневными театральными заботами на его плечи легла еще одна сложнейшая задача – вести диалог с проектировщиками и строителями новой сцены и Концертного зала Мариинского театра. С легкой руки Вячеслава Ивановича их окрестили для краткости «Мариинка-2» и «Мариинка-3». Мы познакомились с Лупачёвым именно на этих стройках.

Это были очень непохожие друг на друга объекты. «Мариинкой-3» руководил сам театр, и этот объект был феерическим, как и спектакли Мариинского театра. Его отличали поистине «гергиевские» темпы – даже инертная строительная среда поддавалась невероятному напору маэстро, и проект развивался стремительно – от начала проектирования до окончания строительства прошли каких-нибудь полтора года. За кулисами этого успеха «скрывался» ежедневный труд замечательного французского театрального архитектора Ксавье Фабра, мастера акустики японского инженера Язухиса Тойоты, проектировщиков института «Геореконструкция» и, конечно же, рабочей группы во главе с В.И. Лупачёвым.

Идея Концертного зала была проста и гениальна – вписать в контур наружных стен исторического здания бывших декорационных мастерских новый сверхсовременный зал, каких еще не строилось в России. Чаша зала была решена в виде вытянутого овала, со сценой, размещенной почти по центру. Это позволило создать в Концертном зале превосходную акустику и перспективу. Но главной составляющей успеха была та атмосфера творчества, которую задал маэстро Гергиев, а всемерно поддерживал Вячеслав Иванович. Открытие лучшего в России Концертного зала Мариинского театра поразило всех. Он стал любимым местом для исполнителей и слушателей.

Иначе сложилась судьба «Мариинки-2», строительством которой занимались чиновники от культуры. Начиналось все мажорно – с победы известного французского архитектора Доминика Перро на первом в России международном архи-

Alexey Shashkin

General Director of the GeoConstruction Institute
Doctor of Geology and Mineralogy

“Who’d have thought I’d be walking around construction sites in my dress shoes?!” Mr. Lupachev would exclaim as he made the rounds of the Mariinsky Theatre’s new facilities. I finally declared, “he’s a real gentleman, he can traipse through the mud and mayhem of our construction site and come out the other side squeaky clean!”

I guess that was his fate as the First Deputy Artistic Director of such a celebrated theatre. In addition to running all the day-to-day operations at the theatre, he assumed responsibility for completing another extremely complicated task—liaising with the designers and builders of the Mariinsky Theatre’s new stage and Concert Hall. Mr. Lupachev dubbed these sites Mariinsky 2 and Mariinsky 3 for the sake of brevity. It was at those construction sites that I met Mr. Lupachev.

The two sites were nothing like each other. The theatre itself managed Mariinsky 3, which had a fantastic, fairyland atmosphere, much like the performances that had made the main stage famous. Mr. Gergiev set an absolutely blistering pace; even the construction crew bent to the maestro’s incredible force of will. Construction companies tend to be quite dilatory, but the Mariinsky Theatre’s project progressed rapidly. It took only a year and a half to move from the design phase to the end of the construction process. Xavier Farbe, an outstanding French architect specializing in designing theatres, Yasuhisa Toyota, a top-notch acoustics engineer, designers from the Geo Construction Institute, and, of course, the task force led by Mr. Lupachev managed this wonderfully successful project from behind the scenes.

The idea behind building a new Concert Hall was simple and ingenuous—fit an ultra-modern venue of a kind that had never been built in Russia before into the exterior walls of a historical building that once housed set decoration rooms. The seating area was oval-shaped, and the stage was placed at almost the exact center of it, which gave the hall stellar acoustics and visibility. I must say, however, that it was the creative atmosphere nurtured by maestro Gergiev and maintained by Mr. Lupachev that made the project such a resounding success. The public was in awe of the Mariinsky Theatre’s Concert Hall. It quickly became a favorite venue for performers and audiences alike.

The fate of Mariinsky 2, which was managed by government officials charged with overseeing cultural affairs, was quite different. The project started with a real bang when the world-renowned French architect Dominique Perrault won the first interna-

тектурном конкурсе. Именно в команде Перро (в качестве российского помощника) мне довелось познакомиться с Вячеславом Ивановичем. Помню первое мое впечатление: мощный высокий человек, фактурный, даже несколько вельможный – словом, вполне соответствующий моему ощущению относительно Мариинского театра. Как он был обходителен, как красиво и даже витиевато говорил с французами! Наша переводчица не всегда могла справиться с образностью его речи. «Буду переводить Лупачёва по словосочетаниям», – говорила она. А проект был весьма необычным. Вместо того чтобы драпировать нагромождение глухих кубов сценической коробки, карманов сцены, аррьерсцены и зрительного зала какими-нибудь фасадами (этим в свое время занимались и Карл Росси, и Шарль Гарнье), Доминик Перро предложил неожиданный ход – накрыть их некой вуалью, «шлейфом императрицы Марии Федоровны» (как говорил он на конкурсе), золотым коконом. Именно этот «золотой кокон» и стал вызывать сомнения у петербуржцев, в том числе в Мариинском театре. Насколько он уместен в историческом центре? Как обеспечить его эксплуатацию – чистить от снега и наледей, создавать комфортные условия в подкупольном пространстве, чтобы не капал конденсат и было тепло? По мере созревания проекта легкая вуаль конкурсного предложения у Доминика Перро обрела весьма brutальные ребра «золотого кокона».

«Мы выбрали проект в стиле Моцарта, а получили в итоге что-то из Вагнера», – остро заметил как-то Лупачёв на встрече в мастерской Перро в Париже. Театр был явно озадачен таким развитием сюжета. Наверное, Перро стоило действовать как истинному французу, более галантно и обходительно. Наверное, стоило вместо самонесущего мастодонта-купола поискать легкие конструктивные решения с псевдокуполом, который поддерживает множество опор. Это облегчило бы зрительное восприятие конструкций покрытия и позволило приблизиться к «вуали». Но история не имеет сослагательного наклонения. После провала в государственной экспертизе Перро ушел со сцены, а его архитектурный проект пришлось доделывать петербургскому институту «Геореконструкция», причем без права внесения изменений в архитектурный образ здания. Именно в этот момент театр взялся активно помогать проекту (а мне выпала честь подружиться с Вячеславом Ивановичем). Лупачёв переместился тогда в кабинет

tional-scale architecture competition ever held in Russia. I was fortunate enough to meet Mr. Lupachev when I was Perrault’s assistant in Russia. I remember my first impression of him—here was a tall, lean man with a certain air of nobility about him. In other words, he was a perfect embodiment of my concept of the Mariinsky Theatre. You should have seen how courteous he was to our French colleagues and how beautiful and even flowery his language would become around them! Our translator wasn’t always up to the task of conveying all of his metaphors and figures of speech. She’d say, “I’m going to translate Mr. Lupachev one phrase at a time.” The plan was certainly an unusual one. Instead of simply draping the agglomeration of heavy, solid cubes formed by the stage box, the side stages, back stages, and auditorium with facades (as Carlo Rossi and Charles Garnier had done), Dominique Perrault made a rather surprising suggestion—covering them with something like a veil, or the train of Maria Fedorovna’s dress, as he put it during the competition.

That gold cocoon raised some doubts among residents of Petersburg, including members of the Mariinsky Theatre staff. Many questioned whether it belonged in the historical city center. Furthermore, it wasn’t entirely clear how it would be possible to clear the snow and ice off of it, keep the area under the dome warm or ensure that water would not condense underneath it and then drip on the people inside. As Dominique Perrault’s project took shape, the light veil he had proposed metamorphosed into the ribs of a rather brutalist golden cocoon.

“We choose a project befitting Mozart’s sensibility but wound up getting something straight out of Wagner,” Lupachev quipped during a meeting at Perrault’s studio in Paris. The Mariinsky Theatre was clearly stumped by this turn of events. Perrault probably should have acted a bit more gallantly and courteously, as one expects of a Frenchman. He probably should have sought out a lighter design solution, perhaps a pseudo-dome with solid structural supports, something more akin to a veil, instead of that behemoth of a freestanding dome. That would have made the structure easier on the eyes, but “history has no place for the subjunctive mood,” as we say in Russia. After a government review panel rejected Perrault’s modified design, he bowed out, and the Petersburg-based Geo Construction Institute had to take over. Its employees were not permitted to change the initial architectural design that had already been approved. The Mariinsky Theatre started providing

руководителя департамента по инновациям, что как нельзя более подходило к проектированию и строительству второй сцены. При ближайшем знакомстве от кажущейся вельможности и велеречивости не осталось и следа. Лупачёв оказался очень четким, конкретным, даже афористичным, с лету ухватывающим самую суть предмета.

Он организовал еженедельные (а иногда и более частые) совещания с руководителями всех служб театра. Я ощутил, насколько сложен театральный механизм – это целый завод по производству шедевров. Тонкий знаток функционирования всех театральных служб, Вячеслав Иванович мастерски организовал их совместную работу с проектировщиками.

Снова возродился дух совместного творчества проектировщиков и рабочей группы театра, как было на «Мариинке-3». В результате, за 3–4 месяца проект, доставшийся нам по наследству от Д. Перро, был приведен в соответствие с требованиями театра и российских норм и успешно прошел согласование в государственной экспертизе. Самое интересное, что его признал и сам автор. В отношении проекта Перро не нашлось ни одного равнодушного человека (одни восхищались его космической архитектурой, другие возмущались произволом зарубежных «пришельцев»). Были, конечно же, и замечания. Но так уж повелось на крупных бюджетных стройках, что на них почему-то по много раз меняются проектировщики, подрядчики и даже руководство заказчика. Поэтому вполне закономерной стала отставка института «Георекострукция» и отстранение специалистов театра от контроля за процессом проектирования и строительства.

Несмотря на видимые успехи, Вячеслав Иванович каким-то шестым чувством ощущал грядущие сложности. Помню, в 2007 году он написал на маленьком листочке дату окончания строительства второй сцены. На бумаге красовалось число «2012». Надо сказать, что строящие театр чиновники от культуры обещали всем успеть к концу 2009 года. Мы понимали, что это только лозунг, что в лучшем случае выйдет 2011 год. Но в «2012» верить не хотелось. Вячеслав Иванович сказал: «Не будем спорить. Положим эту бумажку в шкатулку и посмотрим».

Здание было введено в эксплуатацию в 2013 году. Вячеслав Иванович ошибся самую малость.

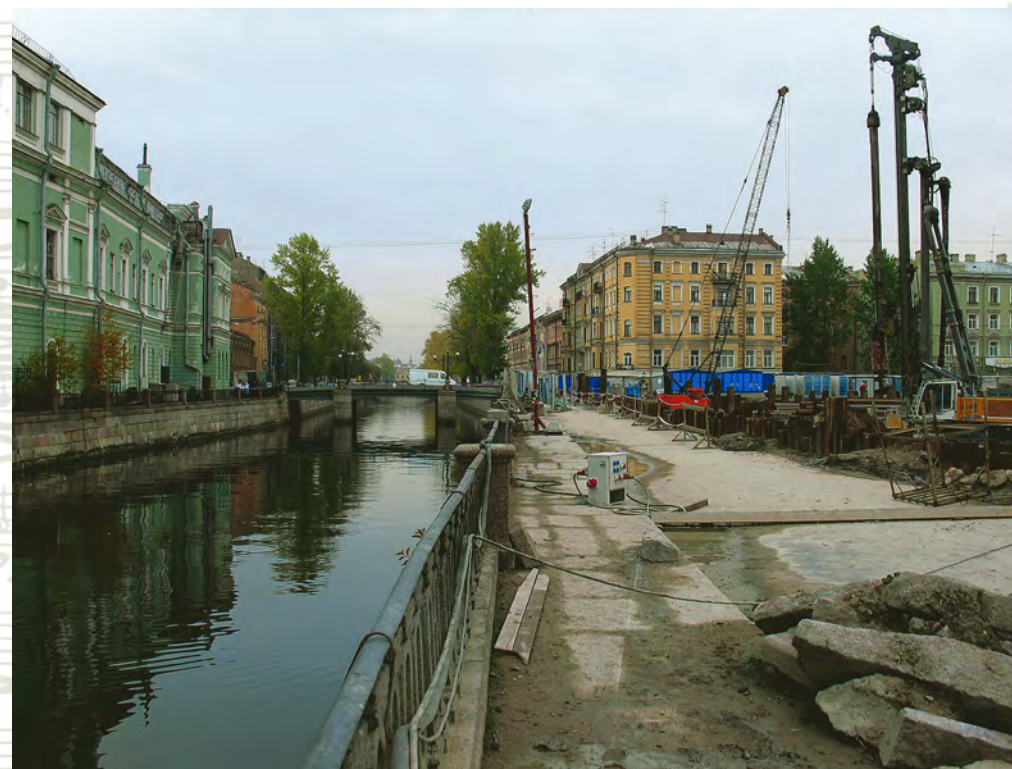
И по-другому – по-лупачёвски ярко и радостно происходили многие события, автором или

ample assistance as soon as Geo Construction came on the scene. That was when I had the good fortune of making friends with Mr. Lupachev. He had just been transferred to the Innovation Department, which meant that designing and constructing the second stage was clearly within his purview. Once Mr. Lupachev got down to business, he immediately dropped his flowery and bombastic way of talking and revealed himself to be a no-nonsense, no-fluff kind of guy who saw the big picture immediately.

He held weekly (and sometimes even more frequent) meetings with the all of the theatre's department heads. This made me realize just how complicated their operations were—the theatre was like a whole factory producing masterpiece after masterpiece. Mr. Lupachev was well-versed in the inner workings of each and every department, and he did a marvelous job coordinating between them and our designers.

Once again, we had found a creative spirit that brought our designers and the theatre's task force together, as was the case at Mariinsky 3. As a result, the project we had inherited from Perrault was adjusted to meet the theatre's needs and the requirements of Russian regulations within three to four months, and it was approved by the government review panel. Interestingly enough, even the original designer himself gave our version his blessing. Everybody had an opinion on Perrault's design—some were in awe of his cosmic architecture, while others were outraged by this “foreign interloper's” high-handed caprice. We faced some criticism, too, of course. But that's just the way it goes on large government-sponsored construction projects—for some odd reason the designers, the contractors, and even the client's management team would be constantly reshuffled. Therefore, it was more than natural that Geo Construction had to step down and the theatre had to forego managing Mariinsky 3.

Despite the tangible success he had achieved, Mr. Lupachev could sense the ensuing complications; I remember him writing down the year he believed the second stage would be completed. The number 2012 flashed across a small sheet of paper. I have to say that the bureaucrats from the Ministry of Culture claimed everything would be finished by the end of 2009, but we realized that was only an empty promise and 2011 would be a best-case scenario. We simply didn't want to believe construction would drag on until 2012. Mr. Lupachev said, “don't even get me started on this one. I'm gonna put this piece of paper in my little box right here and we'll just see what happens.” The building

Мариинка-2 (начало стройки)
«The Mariinka-2» (the beginning of the construction)

Мариинка-2 (начало стройки)
«The Mariinka-2» (the beginning of the construction)

соавтором которых был Вячеслав Иванович. Для меня, коренного петербуржца, все летние месяцы, с раннего детства, проводившего под Выборгом, теперь этот город навсегда связан с Лупачёвым. Здесь, в естественных декорациях Выборгского замка проходили ежегодные оперные представления. В старинной лютеранской церкви звучали Рождественские концерты. Была возрождена традиция хоровых концертов на восстановленном Певческом поле. Для меня, зрителя, это были «дни, равные целой жизни», как сказала бы Астрид Линдгрен.

Я вспоминаю рассказы Вячеслава Ивановича, которые будят в моей душе звучание бархатистого баритона Лупачёва: «Как-то в Москву, когда я еще был студентом, приехал оркестр под управлением Мравинского. У него были лучшие в мире струнные. Большой зал консерватории. Звучит 7-я симфония Шостаковича. И вдруг, минут за двадцать до окончания, в зале гаснет свет. И что вы думаете? Оркестр даже не дрогнул. Доиграл все до конца. Вы бы слышали, что было в зале! Я думал, он взорвется от оваций!». «Еще играя в оркестре под управлением Гергиева, я стал заниматься менеджерской работой. Мы уже стали ездить по зарубежным гастролям. Меня по делу разыскивал импресарио. Где, говорит, Лупачёв? Ему отвечают: «Он играет». Через некоторое время этот иностранец возвращается и опять спрашивает: «Где Лупачёв?». Ему опять отвечают, что он играет. «Чем он таким занят?» – «Он играет». Импресарио удивился и ушел. Когда же он появился в третий раз и услышал тот же ответ, то не выдержал: «Когда же Лупачёв, наконец, наиграется?!». И невдомек ему, что я сижу на репетиции в оркестре и только и делаю, что играю в свое удовольствие».

Когда я был моложе, мне казалось: вот ждешь-ждешь событие, а оно пролетит – и его нет. Теперь я понимаю, насколько был неправ. Пусть событие и мимолетно, но оно не исчезает. Если оно оказалось созвучным моей душе – оно остается в ней навечно, и я становлюсь богаче. Это относится ко всем событиям и мгновениям моей жизни, связанным с Вячеславом Ивановичем Лупачёвым. Встречи с ним расширили мою душу и сознание. И я с этими воспоминаниями не расстанусь никогда!

opened in 2013. Mr. Lupachev's prediction was only the slightest bit off.

Many events organized or co-organized by Mr. Lupachev had a unique flair to them. They were charming and cheerful, like the man himself. I am a Petersburg native who has spent every summer just outside of Vyborg since I was a little kid. For me, Mr. Lupachev will be forever linked to that city, since he coordinated annual opera performances at Vyborg Castle, where the natural beauty of the setting was the only stage decoration he needed. The Mariinsky Theatre held Christmas concerts at an ancient Lutheran church in town and revived its tradition of hosting choral concerts at the newly-renovated Pevchesky Field facility. I attended many of these events, they were "days worth a whole lifetime," as Astrid Lindgren once wrote.

I remember all the stories Mr. Lupachev told, his velvety baritone reverberating deep down in my soul. "Back when I was in college, Mravinsky's orchestra came to Moscow. He had the best string players in the world at the time. Imagine this— Shostakovich's Symphony No. 7 playing in the Great Hall of the Moscow Conservatory. Suddenly, with about twenty minutes left in the piece, the lights go out. And you know what? The orchestra wasn't the least bit fazed. They played the whole thing. You should have been there—we gave them a standing ovation and I thought the hall was going to explode from all the cheering!" "I started doing some managerial work for Gergiev while I was still playing in his orchestra. One time, we were on tour abroad. The impresario at one of the theatres was looking all over for me. He kept asking, 'where's Lupachev?' Everyone answered, 'he's playing.' A little while later the bewildered foreigner came back into the theatre and asked, 'where's Lupachev?' Once again, everyone said that I was playing. 'What's keeping him so busy?' he asked. 'He's playing,' our staff replied. Stunned, the impresario up and left. When he came back for the third time and heard the same answer from our staff, he lost it, 'hasn't Lupachev done enough playing for today?!' He had no clue that I was rehearsing, not just playing for fun."

When I was younger, I felt that whenever you look forward to some big event for ages, it flies by, it disappears. Now I realize just how wrong I was. Even if an event is fleeting, it doesn't just disappear. If it harmonizes with my soul, then it remains there forever, and my life becomes richer. This applies to all the events and moments in my life alongside Mr. Lupachev. The time we spent together broadened my mind and my soul. I'll never part with my memories of him!